

Карл-Йоганн Вальгрен Это Вам для брошюры, господин Бахманн!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10389875

*Карл-Йоганн Вальгрен. Это Вам для брошюры, господин Бахманн!: РИПОЛ классик; Москва; 2015
ISBN 978-5-386-08241-3*

Аннотация

Новое яркое и актуальное произведение от непревзойденного шведского мастера слова – Карла-Йоганна Вальгрена. Книга, задуманная и написанная автором как шутка, имеющая глубокий философский подтекст.

Молодой шведский писатель, не признанный в своей стране, эмигрирует в Германию. Тут он получает письмо от литературного чиновника с предложением написать брошюру о литературном климате его отечества. Писатель отвечает на письмо. И вскоре оправданная и справедливая обида на шведских критиков переходит в неоправданную и несправедливую ненависть ко всей стране. Герой начинает подозревать, что весь мир состоит в заговоре против него...

Перед вами памфлет – ядовитый, смешной и грустный, где даже пародийные моменты содержат много отнюдь не пародийной правды.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Карл-Йоганн Вальгрен Это Вам для брошюры, господин Бахманн!

© Carl-Johan Vallgren, 1998 By agreement with Hedlund Literary Agency and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Штерн С. В., 2015

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Молодой шведский писатель, обидевшись на недоброжелательную критику в своей стране, эмигрирует в Германию. Тут он получает письмо от некоего литературного чиновника с предложением содействовать в создании брошюры о литературном климате его отечества.

Писатель садится за стол и начинает писать. Оправданная и справедливая обида переходит в неоправданную и несправедливую ненависть – автор обличает литературных критиков, потом литературу вообще, массовую культуру, внутреннюю и внешнюю политику, правительство и даже всю нацию чохом. Постепенно ненависть переходит в настоящую паранойю – герой начинает подозревать, что чуть ли не весь мир состоит в заговоре против него...

Перед вами памфлет – ядовитый, смешной и грустный. Забавно, что откровенно клинические, даже пародийные инвективы содержат много отнюдь не пародийной правды.

I

Ну и письмо получил я на днях от господина Бахманна! Странное, очень странное письмо. Я и отвечать-то на него не собирался, но потом все же сел за стол и начал набрасывать ответы на его вопросы.

Эти мои ответы, утверждал в своем письме Бахманн, послужат основой брошюры, одной из тех брошюр, что сенат собирается разослать к Новому году. Означенные брошюры, написал мне Бахманн, будут содержать информацию о родных странах живущих в городе литературных меньшинств, причем отнюдь не статистического, а, так сказать, литературно-психологического характера; оказывается, в соответствии с линией государства и всего так называемого Союза, эти брошюры должны способствовать улучшению взаимопонимания среди представителей различных наций в плане культуры (*Ebene*, написал Бахманн, он употребил слово *Ebene* – в сфере культуры, что за нелепый канцеляризм!). Эти брошюры, по мнению Бахманна, якобы подготовят почву, чтобы мы, живущие в городе зарубежные писатели, могли выступать с лекциями, принимать участие в оплаченных дебатах, публичных дискуссиях... ну и тому подобная бюрократическая трескотня.

Давайте начнем с моих книг, таковы были первые слова в моем ответе господину Бахманну, давайте начнем с моих книг, Бахманн, ведь именно они, книги, что-то значат, а вовсе не моя во всех отношениях трагикомическая жизнь. И хотя эта нелепая жизнь и породила все мои книги, давайте начнем именно с них, с книг, а не с моих личных неудач и провалов. По моему мнению, это важно, чтобы придать всему вашему проекту единственно верное направление.

Я написал пять книг, напомнил я Бахманну, очень разных книг, потому что писались они в очень разных обстоятельствах, и каждая из них потребовала неслыханного, нечеловеческого напряжения сил. Мне сейчас тридцать три, но когда ушел в печать мой первый роман, я был почти ребенком... более десяти лет я писал эти книги, трудно и мучительно – и какова же была благодарность? Какова же была благодарность, написал я, чем же вознаградила меня страна, которую вы приняли недавно в ваш Союз, страна, которую я ненавижу и давным-давно оставил, а теперь вдруг оказывается, что вас эта страна интересует до такой степени, что вы собираетесь посвятить ей специальную брошюру, и самое главное, в этой вашей брошюре я должен олицетворять несуществующую культуру этой страны!

И я еще раз спрашиваю – чем же вознаградила меня эта отвратительная, холодная и темная страна, чем она вознаградила меня за мои с такими муками написанные книги? Здесь, в чужой стране, вас во много раз больше интересуют мои писания, чем моих так называемых соотечественников. Насмешки и преследования – вот что было моей наградой, насмешки и преследования! – со стороны критиков, журналистов и той по пальцам сосчитываемой части общества, недалеко ушедшей от остальных по части духовной нищеты, но все же успевающей следить за новыми изданиями. Насмешки и преследования, погромы, как письменные, так и устные... особенно отличалась крупнейшая газета моей родины: на страницах, посвященных культуре, она преследовала меня с совершенно неопишуемой и необъяснимой злобой. В этой газете я фактически был объявлен вне закона, написал я Бахманну, я стал легкой добычей всех работающих на эту так называемую газету так называемых литературных критиков, я был объявлен вне закона и как автор романов, и как автор песен.

В самых диких ваших фантазиях, написал я Бахманну, в самых диких, нелепых, извращенных фантазиях вы не сможете представить, с какой ненавистью и злорадством эти пасквиллянты набросились на меня в своей газете, самой крупной газете в этой холодной мрачной стране... да, самой крупной, что, впрочем, не мешает ей оставаться на более чем среднем уровне.

В вашей стране, господин Бахманн – написал я господину Бахманну, – в вашей стране людям наверняка непонятно и чуждо, какие жестокие нападки, какие садистские преследования организовала эта газета на своих так называемых культурных страницах, как я был брошен на съедение кровожадным палачам, варварам, дикарям... они не жалели средств, чтобы забросать грязью мое имя, мои романы, мои песни. Эти плебеи старались унижить меня перед такими же плебеями, составляющими умеющее читать меньшинство в этой в высшей степени варварской и бескультурной стране, где плебейство и злорадство чуть ли не записаны в конституции. Вы даже не догадываетесь, сколько кинжальных ударов было мне нанесено с целью раз и навсегда уничтожить меня как художника и как человека; одна очернительская кампания следовала за другой, критики, мужчины и женщины, что за разница – бесполые, в общем, существа, – набрасывались на меня, стараясь унижить и оскорбить, под бурные аплодисменты ничтожной горстки умеющих читать индивидов в этой стране, в стране, построенной на зависти, злопыхательстве, неграмотности и враждебности к искусству.

Вот так обращались со мной в стране, о которой вы в вашем девственном неведении упоминаете в своем письме, написал я Бахманну, и я искренне удивлен, почему вы избрали именно меня для вашего странного брошюрного проекта!

Во-первых, в литературных кругах моей страны я считаюсь персоной нон грата, а во-вторых, из-за постоянной травли, коей меня подвергли на их слабоумных культурных страницах, я полностью перестал писать.

В моей стране некомпетентность возведена в систему, добавил я, серость признана нормой, а зависть и злорадство почитаются чуть ли не кардинальскими добродетелями. И все это начинается со школы, где детей воспитывают с таким расчетом, чтобы, став взрослыми, они достигли непревзойденного мастерства в середнячестве, зависти и злорадстве, написал я Бахманну. Вот так обстоят дела в стране, которую вы, по-видимому, оцениваете по ее знаменитым детским книгам. Вы наивно полагаете, что эта страна может привнести в Союз что-то ценное, но вы глубоко ошибаетесь. Не знаю, на чем основаны ваши умозаключения, но они, эти умозаключения, фатальны и для вас и для вашей страны, добавил я в своем письме Бахманну.

Все, что моя страна может вам дать, будет иметь катастрофические последствия, вы выпускаете из бутылки джинна и вскоре пожалеете об этом. Вы ведь не хотите импортировать дилетантизм и серость, Бахманн? – написал я Бахманну. Вы ведь не хотите добровольно запакостить себя ненавистью и завистью? На тех градусах северной широты, о которых идет речь, дилетантизм и серость возведены в систему; вы даже не догадываетесь, что люди, походя бросающие замечания о Тракле, Мандельштаме или Пессоа, не прочитали ни строчки из Тракля, Мандельштама и Пессоа, а если и прочитали, то разве что рассеянно перелистав омерзительные переводы, сделанные филологическими хулиганами больше полувека назад; не знаю, сколько им заплатили за их труд, но наверняка переплатили. Язык в этой стране изгваздан и загажен донельзя, написал я Бахманну, это общеизвестно; они уродуют родной язык до неузнаваемости, выжимают из него самые прокисшие соки, смотреть телевизор или слушать радио – пытка. То же самое относится и к иностранным языкам, по-английски они говорят более или менее сносно – на уровне умственно отсталого калеки или ребенка двух-трех лет, но постоянно похваляются, что английский язык знают лучше всех в мире, как минимум так же хорошо, как урожденные англичане или шотландцы, и, безусловно, много лучше, чем ирландцы или южноафриканцы; французский кое-кто из бывшей аристократии еще не забыл, но испанский и немецкий считаются такой же экзотикой, как, например, йоруба и малайский. Они там вполне удовлетворены созданной ими самими пародией на культурный язык, этой блевотиной, полной нескрываемой и назойливой, как мычание, ненависти. Они уверены, что обитают в центре мира, Бахманн, написал

я Бахманну, хотя на самом деле то, что они считают центром, – безнадежная периферия. И они еще в глубине души сожалеют, что не могут пользоваться своим кошмарным языком на так называемом континенте... вы должны радоваться, Бахманн, что уровень культуры в этой насквозь прогнившей стране вам пока незнаком; не торопитесь, Бахманн, ваши представления об интеллектуальном климате на тех градусах северной широты наверняка далеки от истины.

И точно так же, как европейских поэтов, как свой родной язык, они уродуют и великих европейских философов и мыслителей, причем так, что это издевательство лежит за пределами понимания нормального человека.

Культивируемая в национальных масштабах тупость, граничащая с умственной отсталостью... они тащат этих философов, их мысли, системы миропонимания, созданные трудом всей жизни, – они тащат все это в грязное болото своего нарциссистского идиотизма. Вы даже представить не можете, Бахманн, написал я Бахманну, у меня просто нет слов. Они со своим неизлечимым скудоумием искажают, расчленяют, пытаются и насилуют крупнейших философов, их ясные и четкие мысли, плод тысячелетних размышлений человечества, уродуют их благородные мысли так, что просто страшно становится, и при этом не стесняются по любому поводу и без всякого повода выкрикивать их имена без малейшего стыда, Бахманн, только ради того, чтобы покрасоваться друг перед другом в этих безнадежно провинциальных так называемых культурных дебатах, почему-то вошедших в последнее время в моду на их, мягко говоря, захолустных культурных страницах. Без малейшего стыда, Бахманн, написал я Бахманну, они делают это без малейшего стыда, со всем присущим им и ничем не приукрашенным кретинизмом – иной раз просто плакать хочется.

Что там говорить, они хватаются за каждую возможность проехаться зайцем на спине великих культур, это мой долг – предупредить вас об этом, Бахманн; и тем не менее, приняв это как исходный пункт, я все же попытаюсь ответить на вопросы для вашей брошюры.

Может быть, ответы мои принесут какую-то пользу, хотя сам я писать перестал и не имею никаких планов продолжать, разве что на другом языке, может быть, на языке вашего народа, написал я Бахманну... и несмотря на это, Бахманн, несмотря на то, что я, похоже, выпадаю из рамок вашего брошюрного проекта и не могу более с полным правом считаться представителем так называемой литературы моей страны, тем более что не кто иной, а именно эта страна в буквальном смысле заткнула мне рот... несмотря на все это, пусть мои ответы послужат хоть каким-то противовесом к вывернутому наизнанку пропагандистскому лубку, который, как я уверен, власти моего так называемого отечества стараются вам навязать.

Оставим до поры до времени мой первый роман, написал я Бахманну, это, можно сказать, детское произведение, написал я его, когда мне было двадцать... хотя и он мог бы быть принят по-иному, если учесть возраст писателя, к тому же роман имел определенную документальную ценность, и даже с точки зрения языка... ну, хорошо, оставим мой первый роман до поры до времени, написал я Бахманну. Он, разумеется, содержит несколько истинных жемчужин... я имею в виду мастерство рассказчика, его владение литературными приемами, какими не овладел ни один современный автору писатель в этой стране, и, разумеется, недоступными для понимания умственно неполноценных критиков на тех широтах. Этот мой первый роман перекликается с определенной эпохой романтизма – в вашей стране, Бахманн, это ясно любому читателю с минимальным уровнем образования. Но на тех градусах северной широты, о которых идет речь, он, то есть роман, совершенно выпадает из привычных рамок, поскольку на этих самых градусах северной широты минимальный уровень образования просто-напросто отсутствует, и классиков романтизма нередко путают с зарубежными спортивными кумирами, а в лучшем случае – если понимают, что речь идет о ком-то, отметившемся в искусстве, – начинают гадать, художник это или композитор. Так вот, если даже

критик прошел мимо главного, что отличает этот роман, если он даже и не заметил определенных его достоинств, если он даже и вообще ничего не заметил, что делают нормальные люди в таких случаях?

Правильно, Бахманн, в таких случаях нормальные люди находят слова пусть даже наигранного одобрения, поскольку автор еще ребенок, а ребенка не следует подвергать изощренному и ничем не ограниченному культурному садизму... хотя я думаю, что и этот принцип уже пересматривается, они ни о чем так не мечтают, как получить возможность мучить и насиловать детей, пусть даже хотя бы в своих педофильских фантазиях на своих педофильских так называемых культурных страницах... они только об этом и мечтают, но пока еще, хоть и скрепя сердце, все-таки стараются не подвергать детей публичной казни.

В результате, написал я Бахманну, мой первый роман был относительно пощажен, ведь он, несмотря на определенные достоинства, был все-таки не более чем детская попытка, и они с трудом, но удержались от того, чтобы не распять его от титула до конца, от форзаца до форзаца, от тетради до тетради...

Тогда они удержались, но потом, Бахманн, написал я Бахманну, потом, когда они посчитали меня законной добычей, когда запрет на охоту был снят, когда я был уже не ребенком, а хотя и мало что понимающим, но уже овладевшим литературным мастерством двадцатитрехлетним юношей, с какой яростью набросились они на меня потом, Бахманн! – написал я Бахманну... они не жалели никаких средств, чтобы забросать мою прозу и мое имя грязью, с какой примитивной злобой они унижали меня перед читателем, перед товарищами по цеху, перед теми немногими литераторами, которые более или менее достойны этого имени!

Мою вторую книгу, написал я Бахманну, постигла именно такая участь, за исключением пары рецензий, написанных крайне редко встречающимися одаренными и оттого яростно преследуемыми в этой стране критиками. На тех градусах северной широты, Бахманн, все, кто выходит за пределы неизвестно кем установленной нормы, все, кто пытается проложить новые пути, подвергаются гонениям, за ними охотятся и стреляют в спину. Если бы мой второй роман, написал я Бахманну, если бы он, этот роман, был издан в вашей стране, он безусловно был бы встречен с уважением – в вашей стране люди имеют тот минимальный уровень образования и духовности, который необходим как для создания, так и для понимания подобной книги. Но поскольку образование и духовность среди моих так называемых соотечественников – понятия совершенно неизвестные, то и книга моя оказалась потерянной для мира, разве что обогатила его некоторым садистским опытом. С ней разделились с жестокостью, какую вы и представить не можете, Бахманн, написал я Бахманну, вы даже представить себе не можете в самых изощренных садистских фантазиях. То, что эта книга ставила под вопрос само определение романа, или, вернее, сообщала понятию «роман» новый, модернистский смысл, – само собой, замечено не было, да и не могло быть замечено культурными плебеями в этой стране, настолько необразованными, что они, эти плебеи, даже вряд ли знакомы с понятием «модернизм»; они, эти плебеи, даже никогда и не пытались дать определение, что же такое есть роман, – они просто-напросто понятия не имеют, что такое роман и с чем его едят. Вы, должно быть, думаете, что я преувеличиваю, что это невозможно, но уверяю вас, Бахманн, написал я Бахманну, ничего невозможного на упомянутых градусах северной широты нет. Ничего невозможного.

Когда я опубликовал мой третий роман, написал я Бахманну, на авансцене появилась немыслимо, сказочно бездарная женщина-критик, чтобы с присущей ей врожденной злобностью охать его на так называемых культурных страницах в моем отечестве. Давайте задержимся на секунду, Бахманн, и присмотримся повнимательней к этой женщине, поскольку она представляет собой идеальный пример глобального, циклопического диле-

тантизма среди так называемых литературных критиков этой страны. Этот будет вам полезно и для лучшего понимания той нации, о которой вы, к моему крайнему неудовольствию, собираетесь выпустить брошюру, причем центральной темой вашей брошюры, если я правильно понял вас, господин Бахманн, должны стать вопросы именно литературы.

Так вот, именно у этого чудовища, этого монстра, этой мерзкой обезьяны я обнаружил безграничное садистское стремление терзать и мучить себе подобных. С совершенно бесстыжим азартом она годами охотилась за мной в самой большой газете моей страны, на ее так называемых культурных страницах... с гордостью и наслаждением, едва ли не в экстазе она, как стервятник, расклеывала мои книги и издевалась над ними... дилетантизм, Бахманн, это еще не все, ее дилетантизм хорошо известен тем немногим мыслящим индивидам, которые пока еще остались в этой стране. Нет, не только дилетантизм, не только удручающая серость ее писаний и полное отсутствие какой бы то ни было системы ценностей – этим-то там, на тех градусах северной широты, о которых идет речь, никого не удивишь, какие еще там культурные ценности... все это не главное, а главное, Бахманн, написал я Бахманну, что эту обезьяну подзуживала, науськивала и аплодировала ей редакция тех самых безмозглых культурных страниц, где она преследовала меня несколько лет подряд.

Это самая крупная газета моего отечества, которая в своей абсолютной провинциальной бесперспективности – а что можно ждать, Бахманн, от людей, барахтающихся в болоте на задворках культуры? – в своей безнадежной бесперспективности эта захолустная газета пытается встать в ряд с такими изданиями, как *Die Zeit*, *FAZ*, *Le Figaro*, *The Times*... и так далее и тому подобное, и в своей тупой гордыне считает себя выше, чем *El País*, *Corriere della Sera* или *The Indian Times*. Особо у них почитается злорадство и зависть, это, как они считают, чуть ли не главный несущий элемент цивилизации, фундамент современного мира, нечто вроде закона природы; зависть и злорадство почитаются чуть ли не признаком качества, я не преувеличиваю, Бахманн, написал я, наоборот, то, что я пишу, не преувеличение, это скорее изящный эвфемизм.

Вы даже и представить себе не можете человека, подобного этой критикессе, написал я, вы не можете себе даже представить существо, настолько поглощенное своими преступными инстинктами. Всем известно, написал я, что она специально забеременела от одного из наших наиболее преуспевающих поэтов, причем только для того, чтобы воспользоваться его славой и репутацией, что она родила этого несчастного ребенка исключительно с целью шантажа; всем известно, что я лично отверг приглашение на один из ее омерзительных вечеров, и даже не из-за того, что она мне чисто физиономически противна, у нее изо рта трупом пахнет, и это более чем правда, Бахманн, написал я Бахманну, даже не из-за того, Бахманн, а потому что она пытается всех в своем окружении затянуть в бескрайнее болото середнячества и плебейства.

Но она преследует меня вовсе не по этой причине, написал я далее Бахманну, жажда преследовать кого-то присуща ей органически, как, впрочем, и многим в этой стране, которая сейчас, к моему ужасу, заинтересовала вас, Бахманн... ненависть для этой гориллы такая же привычка, как для других – подписка на какую-то определенную газету или курение определенной марки сигарет. Ненависть и злорадство, короче говоря, составляют содержание всей ее жизни, ее религию, ее наивысшее наслаждение, ее детскую веру, основу и смысл существования. Когда вышла моя третья книга, эта горилла вылезла из берлоги, чтобы мертвой хваткой схватить меня за горло и не отпускать, что бы я ни делал, Бахманн; если бы я перевел неизвестный доселе шедевр Достоевского, Фолкнера или Хуана Рульфо и вздумал издать его под своим именем, она, без сомнения, разделалась бы с этим шедевром с той же тупой звериной злобой, присущей разве что надсмотрщице в концлагере, которую она до жути напоминает, не только морально, но и внешне.

Мою четвертую книгу ждала та же участь, ее распинали и расчленяли на культурных страницах всех газет этой страны, причем с такой чудовищной ненавистью, что, если и были какие-то сомнения в том, что именно является общим знаменателем для всех так называемых критиков этой страны, теперь их не осталось; ненависть и зависть, дрожащей рукой написал я Бахманну, ненависть и зависть. Мой четвертый и, скорее всего, последний роман вызвал у этого чудовища, этой грязной обезьяны, этой рептилии такой приступ бессердечной, животной ненависти, что даже для нее он может считаться рекордом. Действие романа продолжается сто лет, написал я Бахманну, и он заслуживает уважения хотя бы из-за огромного исторического материала, который я использовал, или, по крайней мере, можно было бы оценить изящный пастиш¹, переключку с русским романом... вовсе не ложная скромность мешает мне описать этот роман подробно, его форму и содержание, новизну, идейный мир, мораль и философию, даже, можно сказать, космологию... вовсе не ложная скромность, Бахманн, а волнение, со дна души поднимающаяся ярость, когда я думаю, как терзала мой роман эта женщина, чье умственное развитие в лучшем случае приближается к козьему, эта карикатура на образованного человека... причем при полной поддержке их пародийного культурного отдела... я впадаю от этих мыслей в такое уныние, написал я Бахманну, что у меня возникают сомнения, стоит ли вообще продолжать отвечать на ваши вопросы, чтобы потом, упаси Господи, мои ответы не стали основой вашей сомнительной брошюры.

Кстати, та же самая редакция под идиотским названием «Культура и развлечения» преследовала меня и позже, когда я, вопреки здравому смыслу, записал на диск свои песни, продолжил я свое письмо Бахманну. Мне бы прислушаться к мнению жены – она-то интуитивно почувствовала, что на меня теперь всегда будут смотреть как на непростительно возмнившего о себе идиота и преследовать со все возрастающей ненавистью.

В среде бардов и шансонье искал я прибежище – вопреки здравому смыслу, Бахманн, написал я Бахманну, вопреки здравому смыслу, в наивной вере, что хоть здесь-то я найду выход из руин и катакомб литературного пейзажа в моем отечестве. Мне бы прислушаться к мнению жены, она ведь меня предупреждала, написал я Бахманну, она догадывалась и предполагала, что этим поступком я вызову настоящий цунами завистливой ненависти на культурных страницах самой крупной газеты моей страны, что и произошло. Они бы, конечно, охотнее всего вовсе не заметили мои песни, просто обошли молчанием, но, чтобы не возбудить подозрений у немногих приличных людей – тех, кто, несмотря на массивные репрессии, все же, пусть и в мизерном количестве, сохранился на этих градусах северной широты, тех, кто еще не вынужден был уехать, чтобы не вызвать у них подозрений, они поместили рецензию минимального размера, так что даже удивляешься, как в такой крошечной заметке могло уместиться столько ненависти и издевательства.

Вы теперь, наверное, понимаете, почему я никогда не вернусь на свою так называемую родину и почему я перестал писать – как прозу, так и песни. Мне ни за что не следовало пытаться заявить о себе как об авторе песен, написал я Бахманну, этим я, фигурально выражаясь, подписал себе смертный приговор. В результате меня стали преследовать и как композитора, причем с совершенно необъяснимой злобой; из-за своего непродуманного решения я угодил под перекрестный огонь – как со стороны литературных критиков, ненавидящих меня безгранично, так и со стороны музыкальных критиков, ненавидящих меня не менее безгранично.

Это было непростительной ошибкой с моей стороны, написал я Бахманну, вопреки здравому смыслу позволить врагу открыть второй фронт. Впрочем, «перекрестный огонь» – неправильное выражение, поправил я сам себя в письме Бахманну, я не должен был его употреблять, как и не должен был выпускать компакт-диск, потому что в этой маленькой,

¹ Пастиш (фр. *Pastiche*, от итал. *Pasticcio*) – здесь: стилизация. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

холодной, бессердечной и извращенной стране все перемешалось – какой-нибудь критик сегодня появляется на литературной странице, а завтра – на музыкальной, все они знакомы между собой, *manus manum lavat...* не знаю уж, как у вас с латынью, Бахманн... рука руку моет. С общего согласия и даже при горячей поддержке тех, кто вообще к этому отношения не имел, они открыли огонь, и никакой не перекрестный – они палят не с двух, а со всех сторон, – никакой не перекрестный, а круговой, со всех фронтов сразу. Если бы я не уехал, написал я Бахманну, скорее всего, я покончил бы жизнь самоубийством.

Я вовсе не хочу злобствовать, тем более отвечая на вопросы для вашей странной брошюры, написал я Бахманну, но если вы и в самом деле хотите узнать правду об этой стране, вы тем самым вынуждаете меня ее рассказать. Не знаю, не знаю... может быть, вы, руководствуясь инстинктом самосохранения, каким-то образом ухитрились до этой поры ничего не слышать о стране, о которой идет речь, каким-то образом вам удалось закрыть слух для истины, а она-то, истина, давным-давно должна быть ясна всем без исключения. Это бесконечно вульгарная страна, написал я Бахманну, населенная вульгарным и несамостоятельным народом, народом, лишенным какой бы то ни было души. Вы даже не догадываетесь, как они обезьянничают, стараясь перенять модные тенденции в других странах, в том числе и в вашей стране, Бахманн, написал я Бахманну.

Они ездят в крупные европейские города исключительно для того, чтобы разнюхать, что там в моде, и, вернувшись домой, поскорее собезьянничать... они надеются таким образом отбить присущий им запах хлева; ничего плохого нет в этом запахе, но беда в том, что сами они его ненавидят лютой ненавистью, этот запах, назовем его *ненависть к себе* – эти слова я подчеркнул дважды. Без всякой фантазии перенимают они то, что с такой изобретательностью и выдумкой создавалось в истинно культурных странах; с неизбывной тупостью, которую даже не с чем сравнить, они бесстыдно воруют все, до чего только могут дотянуться, воруют все, что может, как они считают, им пригодиться, потом возвращаются в свои деревни, где быстро забывают, откуда что взялось, и через короткое время пребывают в совершенной уверенности, что все, что они наворовали и награбили, создано ими самими здесь, в этой же деревне.

Хуже всего в столице, написал я Бахманну, там-то всё без исключения, от интерьера дома до фасона башмаков, притащено с уик-энда в Лондоне. Это звучит пугающе, написал я Бахманну, но мои соотечественники, к коим вы испытываете такой извращенный интерес, по сути своей не что иное, как стая бездушных воров, культурные изгои, варвары с тысячелетним стажем, грабители духа и насильники мысли, кровопийцы, вампиры, лишенные интеллекта, фантазии и инициативы, все поголовно плагиаторы, написал я Бахманну... и если их оставить в джунглях, они, будучи духовно совершенно не самостоятельными, тут же начнут подражать приматам, и скоро, очень скоро, как только с них сойдет позаимствованный в соседних, истинно культурных странах лоск, очень и очень скоро, написал я Бахманну, скорее, чем вы думаете, они поселятся на деревьях, разучатся пользоваться орудиями труда, начнут искать вшей друг на друге, питаться фруктами и прутиками ворошить термитники, как это делают шимпанзе.

Это абсолютно, совершенно бездушный народ, написал я Бахманну, народ с ужасающей ментальностью. Поверьте, Бахманн, этот народ, которому вы хотите сделать рекламу в вашей более чем сомнительной брошюре, – этот народ может, к примеру, по приказу властей, внушающих им непонятную и ничем не поколебимую веру, этот самый народ может по приказу властей совершить коллективное самоубийство – настолько глубоко въелась их рабская ментальность; они настолько не имеют свободной воли, что абсолютно неспособны к индивидуальному мышлению, неспособны более или менее критично относиться к законам, бюрократии и вообще начальству. Они считают, написал я далее Бахманну, что любой выпущенный властями циркуляр имеет силу закона природы. И поэтому вряд ли кто-нибудь

из них повесит голос, если власти предержащие потребуют, чтобы все они повесились по случаю Дня нации. Этот рабский менталитет, написал я Бахманну, подтверждается целым рядом документов. Он введен в норму. Он составляет психологический фундамент нации. Случалось даже, что власти рассылали всему населению указания по здоровому питанию, то есть там предписывалось, что следует есть, а что не следует, — и они послушались, Бахманн! — написал я Бахманну, они послушались! Они стали есть именно то, к чему призвали их власти; если бы власти порекомендовали им есть крысиный яд, они бы и его сожрали. А средства массовой информации — господи боже мой, Бахманн! — все, что они пишут, так же как и все то, о чем вещают власти, является законом для всех.

Когда я был ребенком, написал я Бахманну, газеты и телевидение, скорее всего по наущению бюрократов, затеяли проект, единственной целью которого, как мне теперь кажется, было проверить степень слепого послушания этого пожизненно пораженного вирусом рабства народа. Ко всем газетам были приложены особые картонные очки с цветным целлулоидом, так называемые стереоочки, написал я Бахманну; не помню уже, то ли правый глаз был красный, а левый зеленый, то ли наоборот. Газе ты и телевидение призвали всех подданных этой страны в определенное время надеть эти очки — телевидение будет показывать так называемый стереофильм, причем его стереоскопичность можно почувствовать, только нацепив себе на нос эти стереоочки. В этот вечер вся деятельность в стране была парализована, написал я Бахманну, вся нация в своем безграничном идиотизме уселась перед телевизорами и смотрела на экран через эти дурацкие стереоочки... это было жутко, Бахманн, написал я Бахманну, это был какой-то страшный сон, поскольку ни один человек не испытывал при этом ни малейшей радости, все они уставились в телевизор исключительно из страха нарушить закон природы и тем самым навлечь на себя Божью кару.

Я мог бы привести еще много примеров, написал я Бахманну, вся история моей страны построена на подобных примерах. Вы были когда-нибудь в соседней стране, Бахманн, в стране, граничащей с моим отечеством на юго-западе? Это относительно свободная страна, и контраст с рабской ментальностью моих соотечественников особенно разителен, поскольку эти две страны отделены друг от друга всего-навсего небольшим проливом.

В моем отечестве власти предержащие с незапамятных времен контролируют эмоции своих вассалов, написал я Бахманну, даже более того, контролируют потребность в эмоциях, они хотят управлять всей правой половиной коры головного мозга — и, как естественное следствие, придают огромное значение контролю потребления подданными различных стимулирующих жидкостей и препаратов, контролю тяги к состоянию опьянения, главным образом алкогольного, написал я Бахманну, — а почему? А вот почему, Бахманн: алкоголь дает выход эмоциям, алкоголь вызывает смех, страдание, радость, даже горе — одним словом, освобождает подавленные чувства.

Именно в этой области извращенческая потребность властей в контроле и не менее извращенческая приспособляемость подданных выступают особенно ярко; короче говоря, мазохистское желание подвергаться дрессуре особенно, даже мучительно ярко видно, если сравнить его с относительной свободой в соседней с нами стране.

Недавно я побывал в столице этой страны, соседствующей с нашей на юго-западе, я побывал там в обществе, кстати говоря, одного из ваших земляков, тоже писателя, написал я Бахманну. Назовем его П. Мы стояли на одной из паромных пристаней, куда ежедневно прибывают тысячи людей из моего так называемого отечества. Мой коллега П., ваш земляк, очень удивлялся так называемым пивным туристам, то есть этим одичавшим толпам, сотням, даже тысячам моих соотечественников, которые, отводя в смущении глаза, катят перед собой тележки с ящиками пива, штабелями по пять-шесть ящиков, как башни; они волокут их, бормоча какие-то языческие заклинания, из ближайшего к причалу магазина.

Может быть, это какой-то веселый праздник, поинтересовался мой коллега, какой-нибудь пивной фестиваль? Я покачал головой. Тогда, должно быть, это соревнование, предложил он, или эстафета, может быть, они хотят побить какой-то рекорд? Он чуть не умер от смеха, когда я объяснил, что эти люди тащат все это пиво домой, поскольку здесь, в этой стране, оно чуть не вдвое дешевле, чем у них дома. Они волокут пиво через государственную границу? – корчась от хохота, спросил П.

И я вынужден был открыть ему унижительную правду, после чего смеяться он перестал.

В тот же день, написал я Бахманну, чуть позже, мы прогуливались в старом центре города, столицы соседней страны. Повсюду сидели мои соплеменники и, блудливо посмеиваясь, вливали в себя пиво в немыслимых количествах, многие уже пьяные в стельку, кто-то уже без сознания, у кого-то вся одежда перепачкана блевотиной. Дома-то они бы даже не подумали пить крепкое пиво к ланчу, сказал я П., там это считается смертным грехом, тот, кто это делает, наверняка угодит в ад, не говоря уж о том, чтобы выпить рюмку шнапса к завтраку, это просто совершенно исключено; в выходные они напиваются до бессознательного состояния, но в рабочие дни – упаси Бог! – даже промыть ранку аптечным спиртом уже считается преступлением. Чем больше я рассказывал П. об обычаях моего так называемого отечества, тем более переполняло его чувство брезгливости, ему были отвратительны все эти извращения на моей так называемой родине...

Подумать только, люди вынуждены ехать в другую страну, чтобы решиться выпить пива или рюмку водки к ланчу, – в любой другой стране это считается совершенно нормальным. Мой коллега П. пришел в ужас. Дома их бы мучила совесть, сказал я П., дома они совершенно забиты, и даже здесь, в соседней стране, сказал я П., они изнемогают от стыда, потому что знают, что обманывают в какой-то степени контролирующие органы, которые они сами же и посадили себе на шею. Они верны своей ментальности, где бы ни находились, сказал я П., и особенно это заметно, когда, бормоча свои языческие мантры, они волокут полдюжины ящиков с пивом вдоль причала в этой соседней стране. Здесь их рабская психология достигает своего апогея, сказал я П. Здесь они достигают высшей точки в своем идиотском стыде и эмоциональной импотенции, они просто тонут в ней, как, впрочем, и в собственной блевотине, сказал я П., как и в собственной блевотине, причем в самом буквальном смысле, ты же это заметил, сказал я П., но когда они приезжают домой...

О, когда они приезжают домой, они не жалеют слов осуждения, не жалеют злобы и ехидства, чтобы осудить эту соседнюю страну, откуда они только что приехали, нагруженные, как вола, ящиками с пивом... и особенно яростно они критикуют алкогольные законы этой соседней страны, а их политики поднимают вверх указующий перст и пытаются учить своих коллег-политиков в этой соседней стране, как и что им следует предпринять для борьбы с алкоголизмом... а те только качают головами, уже сотни лет зная, с кем имеют дело, зная, насколько извращен этот ханжеский народ, и я не хочу быть неправильно понятым, Бахманн, написал я Бахманну, меня совершенно не интересует алкогольная политика, по моему мнению, в политической повестке дня есть куда более важные вопросы, я сам не пью, написал я Бахманну, поскольку алкоголь скверно влияет на работу, так что я уже давным-давно трезвенник, но все, о чем я пишу, Бахманн, не что иное, как симптом извращенного святошества, болезни, вот уже сотни, а может быть, и тысячи лет свирепствующей в той стране, которой вы, к моему ужасу и огорчению, собираетесь посвятить вашу малопонятную брошюру.

В этой стране идет постоянная охота на человеческие эмоции, написал я Бахманну, с целью уничтожить их раз и навсегда. В этой стране наказание за контрабанду килограмма марихуаны строже, чем за изнасилование ребенка, это симптоматично, написал я Бахманну, потому что марихуана, которую я, кстати, никогда или почти никогда не употребляю, так же

как и алкоголь, марихуана, которая, я уверен, куда менее опасна, чем алкоголь (в моей стране такое убеждение является смертным грехом), так вот, марихуана вызывает неконтролируемые эмоции, в то время как изнасилование маленькой девочки убивает в ней все эмоции раз и навсегда, а это, хотя власти никогда и не признаются, идет им на пользу, потому что людей без эмоций легче контролировать, они никогда и не делают попыток вырваться из тисков духовного рабства, оно их не волнует.

Нигде в мире не преследуются эмоции так последовательно и неумолимо, как в той стране, которой вы собираетесь посвятить вашу брошюру, нигде в мире нет такой ненависти к неконтролируемому взрыву чувств, как в моем так называемом отечестве. Это только вопрос времени, написал я Бахманну, думаю, что полиция в этой стране скоро начнет хватать людей, позволивших себе громко засмеяться в общественном месте. Разве что на каких-то из ряда вон выходящих спортивных событиях власти дают негласное разрешение на открытое проявление эмоций – какой-нибудь хоккейный матч, к примеру, во всех остальных случаях эмоции вызывают скепсис, отвращение и ненависть. Вы, должно быть, считаете, что я преувеличиваю, Бахманн, написал я Бахманну, ничего подобного, совсем наоборот, я нисколько не преувеличиваю, я просто не могу найти слов, которые бы в полной мере соответствовали положению дел в этой стране, непонятно чем вызвавшей ваш интерес.

Вот уже скоро два года, как я в последний раз посетил свое так называемое отечество, написал я Бахманну, и в обозримом будущем у меня нет никаких планов опять подвергать себя этому испытанию.

Это вообще было ошибкой с моей стороны – ехать туда. Впрочем, эта поездка была связана с изданием моей последней книги, встреченной с легко предсказуемой ненавистью, я уже этому не удивляюсь, написал я Бахманну, а вот деградация и разложение в других областях оказались гораздо глубже, чем я предполагал, и теперь мои надежды, что там может когда-нибудь что-то измениться, равны нулю... Даже ниже нуля.

Особенно по части телевидения – здесь разложение находится уже, я бы сказал, в терминальной стадии, вы даже не представляете, Бахманн, написал я, вы не представляете это унижение, которому местные жители добровольно себя подвергают... я просто онемел от возмущения. Ужаса и отчаяния моего хватило на много месяцев вперед. Нет и не будет конца этому публичному флагелланству, этому самоистязанию: в лучшее эфирное время они делают все возможное, чтобы изничтожить последние остатки человечности, чтобы раз и навсегда превратить уже и без того полумертвую нацию в сборище декапитированных животных, причем все это происходит при тесном сотрудничестве ведущего, публики, артистов и гостей программы. В одной из передач соревновались дети, написал я Бахманну, представьте себе, Бахманн, дети трех-четырех лет, это было состязание на побитие уже и без того недостижимого рекорда безвкусицы... детей подбадривали не только их родители, но и ведущие, и зрители, и еще один чемпион по части безвкусицы – пресса. Трех-, четырех-летние детишки, написал я Бахманну, состязались, кто лучше симитирует самых пошлых артистов нации, умственно отсталых исполнителей шлягеров, безмозглых рокеров... меня вырвало, Бахманн, меня буквально вырвало, когда я увидел это в первый раз, желудок выбросил наружу довольно приличный обед, съеденный мной незадолго до этого, и несколько дней потом меня лихорадило, и я не мог ничего взять в рот, я даже был не в состоянии выйти из гостиничного номера, где, кстати, сидел и читал сочащиеся ненавистью рецензии на мою новую книгу.

В другой программе вполне уже взрослые люди соревнуются, кто из них больше похож на Элвиса Пресли, или Мадонну, или Стинга, а потом наиболее удачливые отправляются на гастроли по всей стране, как Элвис Пресли, Мадонна или Стинг, залы переполнены, люди падают в обморок в экстазе, за ними следуют возбужденные журналисты из самой большой в стране газеты... просто слов нет, написал я Бахманну, просто нет слов, чтобы описать всю

омерзительность, всю гниlostность... скоро, говорят, и политики примут участие в этих состязаниях, будут изображать Элвиса, Мадонну или Стинга, чтобы набрать очки у черни, которую они стараются воспитать в духе полной политической безмозглости... думаю, пройдет немного времени, и премьер-министр на открытии риксдага будет выступать в образе Элвиса Пресли или принимать высоких гостей, вырядившихся под Мадонну, потому что политики ничем не отличаются от плебса в этой обетованной земле безвкусицы, и даже более того, Бахманн, написал я Бахманну, более того, они сами являются примером для своего полуживотного населения, они сами создают непревзойденные образцы безвкусицы и морального падения. Коррупция в последние годы увеличилась многократно, как только кому-то удастся занять самый незначительный государственный пост, он тут же самым бесстыдным образом начинает грести под себя. Протекционизм и алчность просто не имеют границ, этим даже принято хвастаться. Какой-то председатель экологического комитета в какой-то коммуне пропивает в борделе налоговые деньги. Член совета ландстинга² приглашает свой гарем в кругосветный круиз, советники министерств, председатели комитетов, секретари департаментов тащат миллионы и только и ждут пенсии, чтобы смыться в Швейцарию. Чаще всего это мужчины, написал я Бахманну, но и женщины не лучше, они быстро учатся и наверняка скоро обгонят своих поделщиков-мужчин по части этого свинства, не забудьте, что они только недавно начали принимать участие в этих играх... а их язык! Что за язык они используют, чтобы выдать свои дурно пахнущие шуточки за политические откровения! Это даже вообще не язык, это что-то вроде звериного хрюканья, лая и воя, подчиняющихся законам неизвестной мне грамматики. Только по этим звериным звукам их и можно отличить друг от друга, и в соответствии с тем, что предпочитает народ – хрюканье, мычание, рычание, шипение и так далее, – в соответствии со своими вкусами народ идет к избирательным урнам, где голосует за своих избранников: кому нравится хрюканье, голосует за тех, кто хрюкает; любители мычания – за тех, кто мычит, и так далее... и сколько это может продолжаться, если учесть, что весь спектакль не имеет никакого смысла?

Политики создают хореографию распада в этой стране, написал я Бахманну, и со своим безмерным популизмом они готовы пойти на что угодно, лишь бы привлечь к себе внимание. Они могут пойти и на так называемые рейв-пати, ничего необычного в этом нет, попытайтесь представить себе, Бахманн, написал я, политик приходит на рейв-пати, чтобы продемонстрировать свою полную безмозглость и таким образом выиграть несколько очков у давным-давно потерянной молодежи. Ничего в этом необычного нет, написал я Бахманну, как нет ничего необычного и в том, как они бьют все рекорды безвкусицы, выступая во всяческих шоу, организуемых телекомпаниями, государственными или частными, никакой разницы нет. Они с удручающей регулярностью участвуют во всяких играх – вы знаете эти игры, когда участники ищут какие-нибудь идиотские сокровища, они добровольно подвергают себя тем же унижениям, что и другие участники программы, чаще всего представленные несколькими полужнаменитостями, деградировавшими или обкурившимися представителями так называемых культурных профессий, у которых нет и никогда не было никакого морального багажа, потому что в течение всей их жизни понятие морали было для них абсолютно чуждым.

Вот на таком уровне находятся политические лидеры этой страны, написал я Бахманну: поиски сокровищ и имитация Элвиса с утра до вечера, – и об этой стране вы собираетесь делать брошюру, Бахманн... подумайте трижды, прежде чем наделать глупостей.

Сейчас мне кажется невероятным, написал я Бахманну, что эта нация когда-то была чуть ли не образцом политического и социального устройства. Может быть, и *была* когда-

² Ландстинг – губернский орган исполнительной власти.

то, написал я Бахманну, я еще довольно молод и мог этого не застать, но все равно мне кажется маловероятным, чтобы этот непревзойденный в своей тупости народ, который во всех областях, особенно в области культуры, уже много лет находится в свободном падении, мог когда-то в чем-то и кому-то служить примером. Должно быть, это какая-то ошибка, написал я Бахманну, ложный след, розыгрыш, придуманный ироничной судьбой.

Благодарение Богу, им не удалось экспортировать свое безвкусие в другие ни в чем не повинные страны, радуйтесь этому, Бахманн, написал я Бахманну. Вообще говоря, это какой-то непостижимый парадокс, чтобы настолько бездушный народ мог предложить человечеству какую-то заслуживающую внимания политическую или социальную идею.

Позвольте мне привести пример, Бахманн, написал я Бахманну: в том городе, или, вернее сказать, деревне, где я вырос и где, кстати, почерпнул мотивы для некоторых своих книг, в этой деревне, или, вернее сказать, провинциальном пригороде, не было никаких традиционных социальных достоинств: никакого сочувствия, никакой готовности прийти на помощь, никакой любви к ближнему, никакой солидарности, даже между соседями. Наоборот, подобные чувства подвергались злобным насмешкам в этой во всех отношениях типичной для моей страны деревне; желание принести как можно больше зла ближнему было единственным общим знаменателем для этой деревни, или, вернее, провинциального пригорода, где главным чувством была ненависть. Зависть к чужому успеху была для жителей своего рода кислородом, они без нее просто жить не могли, ничто их не радовало так, как чужое несчастье, ничто их не радовало так, как возможность поиздеваться над кем-то, затоптать в грязь любого, кто находил в себе мужество противостоять извечной традиции ненависти, зависти и издевательства.

Был у нас, например, сосед, написал я Бахманну, его маленькое предприятие, что-то там, кажется, с трубами, более или менее процветало, ему удалось наладить экспорт своих труб или чего-то там в соседнюю страну, к нашим западным соседям, что уже само по себе служило поводом для безграничной зависти, написал я Бахманну; но когда этот наш сосед, благодаря своему хорошему деловому чутью и несомненной прилежности по части производства труб или чего-то там, накопил денег и купил себе новенький «мерседес», – вы даже представить не можете, Бахманн, каким вызовом это было, какой провокацией! – подумать только, какой гнев навлек он на себя, купив этот новенький, прямо с завода «мерседес»! Это было ересью, совершенно недопустимой на тех градусах северной широты, о которых идет речь, Бахманн, и возмездие не заставило себя ждать. Этот добившийся успеха мелкий предприниматель навлек на себе ненависть еще и тем, что «бесстыдно» – так называли его поведение, судача в магазинах, – бесстыдно ставил свою машину, свой приобретенный благодаря тяжелому и прилежному труду новенький, только что с завода, «мерседес» около своего гаража, так что все в этой деревне, или, вернее сказать, в этом провинциальном пригороде, волей-неволей вынуждены были на него любоваться, поскольку жил он там, где проходили семейные гулянья под эгидой местного футбольного клуба.

И возмездие не заставило себя ждать, Бахманн, возмездие не заставило себя ждать! Они просто-напросто изуродовали его новенький, с иголочки, «мерседес», Бахманн! В одну прекрасную ночь соседи, их было человек шесть или семь, вооружились дубинами и разбомбили новенький, только что с завода, «мерседес», купленный этим добрым и прилежным человеком на честно заработанные деньги; они разбомбили этот «мерседес» только потому, что просто не могли допустить такого посягательства, потому что они просто обязаны были дать выход своей злобной зависти к чужому успеху; если бы они этого не сделали, Бахманн, они, наверное, просто лопнули бы от зависти. Они даже не делали тайны из своего ночного подвига, Бахманн, они даже не скрывали его от этого несчастного и добросердечного, что так редко встречается на тех градусах северной широты, от этого честного предпринимателя, который, что тоже типично для этой среды, смирился со своей участью. Мы раскуро-

чили твой «мерседес», сказали они ему в магазине или на вечерней прогулке, не знаю уж где, ты еретик, и мы наказали тебя, раскурочив твой новенький, только что с завода, «мерседес»; если бы он не был только что с завода или если бы это был не «мерседес», мы бы его не раскурочили, сказали они, но ты совершил серьезное преступление против обычаев нашей деревни или, может быть, пригорода, ты совершил серьезное преступление, купив не просто «мерседес», но, в довершение ко всему, новенький, только что с завода», «мерседес», и поэтому мы были вынуждены тебя проучить. Это лишь один пример из тысячи, Бахманн, написал я Бахманну, я бы мог заполнить все ваши несчастные брошюры и формуляры такими примерами, тысячами примеров, даже сотнями тысяч, но у меня от этого портится настроение, так что лучше уж я воздержусь.

Но этот пример, продолжил я, может быть, в какой-то степени отвечает на постоянный вопрос о статистике самоубийств на тех градусах северной широты, о которых идет речь. Меня постоянно спрашивают об этом ваши соотечественники здесь, в городе, вы же знаете, они иногда проводят отпуска на моей так называемой родине, и у них совершенно искаженное, пугающе романтическое представление об этой стране, может быть, их очаровывает природа, добавил я в письме к Бахманну, не знаю, скорее всего, причиной тому обычная доверчивость и человеческая неспособность представить себе ту глубину бездушия, которая царит на этих широтах; эти ваши соотечественники, написал я, воображают, по-видимому, что большое количество самоубийств в этой непонятно почему привлекающей их проводить там отпуск стране зависит от долгих зим, темноты, неправильного употребления спиртных напитков и, возможно, от доступности охотничьего оружия.

Я чувствую потребность разъяснить самым исчерпывающим образом, написал я, и должен дать понять раз и навсегда, что в основе всех самоубийств лежит неумение радоваться жизни, что подтверждается любой из уже написанных строчек моего письма, написал я в своем письме Бахманну. Неужели вас удивляет, написал я Бахманну, что я скептически отношусь к идее сотрудничать в создании брошюры об этой стране, неужели это и в самом деле вас так удивляет, чему тут удивляться?

Вы должны понять, Бахманн, написал я, что нет ничего, что приводило бы меня в такую ярость, как лживые мифы об этой стране, бесчисленные лживые мифы, и в основе этих мифов лежат нормальная человеческая доверчивость и непостижимо циничная пропаганда, распространяемая властями этой страны, которую я так ненавижу. Лживые мифы – это их единственная возможность выжить в среде других народов. Узнай люди правду об этой мерзкой и бесчестнейшей стране, они, скорее всего, немедленно начали бы войну с целью ее уничтожить, что следовало бы сделать давным-давно. Эта страна и этот народ выстроили свою международную репутацию путем нагромождения циничной лжи. Социальные программы – ложь, солидарность с третьим миром – ложь, чистая природа – ложь, история – ложь, даже так широко распространенный миф о сексуальном освобождении – тоже ложь, потому что никакой сексуальности в этой квакерской стране вообще не существует, более фригидного и импотентного народа никогда не существовало, написал я Бахманну.

В сексуальном смысле это самый закрепощенный, самый ханжеский в мире народ, они бьют все рекорды, викторианские, вильгельминские, они оставляют далеко позади любое извращенное ханжество, любую фригидность и любую импотенцию. Меня удивляет, почему в этой стране вообще рождаются дети, если принять во внимание состояние, в каком находится сексуальность в этой стране. Жалкое общение полов, которое если и существует, то происходит в самых грубых формах, по пьянке, судорожно, жестоко, в темных комнатах, от силы в двух положениях, без всяких чувств и в полном отсутствии того, что хотя бы отдаленно напоминало нормальный европейский оргазм; вот так обстоят дела в этой области, написал я Бахманну, и, пожалуйста, не вздумайте вступать в сексуальный контакт с

моими землячками, предупредил я Бахманна, вы только испытаете глубокое разочарование и надолго отучитесь радоваться общению с противоположным полом.

Позвольте мне вернуться к вопросам истории, пока мое сознание окончательно не отравили воспоминания о тотальной фригидности и тотальной импотенции в моем так называемом отечестве, написал я; возвращаясь к вопросам истории, я чувствую настоящую потребность разоблачить еще одну ложь. Десятилетиями политики на тех градусах северной широты, о которых идет речь, внедряли миф о том, что их страна – пример для всего Западного полушария, своего рода маяк мирового сообщества, особенно когда речь идет о политической морали, солидарности со слабыми, о борьбе за мир, о вопросах разоружения, экологии и так далее и тому подобное, – все это ложь, написал я Бахманну, чистейшей воды ложь. Никакой она не маяк. Нет другого народа, который с таким отточенным веками циничным шулерским мастерством играл бы краплеными картами, с таким оппортунизмом всегда вставал бы на сторону сильного против слабого и при этом скрывал все это сатанински изощренной ложью, мало того, они пользуются плодами этой лжи!

Давайте вернемся на пятьдесят лет назад, написал я Бахманну, это несколько не снижает ценности моих свидетельских показаний, наоборот, давайте вернемся в то время, когда страны, ныне входящие в Союз, находились в состоянии войны друг с другом, а мое так называемое отечество заявляло о своей нейтральности.

Этот нейтралитет – один из самых распространенных мифов, но и сейчас к нему то и дело возвращаются, исключительно для того, чтобы выглядеть получше среди соседей, чтобы пустить пыль в глаза, затевают дебаты, притворяются, что собираются внести в этот вопрос полную ясность, хотя на самом деле все наоборот, написал я Бахманну, у них нет никаких планов развенчивать этот миф, потому что тогда придется обнародовать поставленный моей страной мировой рекорд в злодействе, им нужен этот миф, чтобы внушать доверие... более того, этот миф им нужен для самого их существования. Потому что для любого мыслящего человека – впрочем, на мыслящих людей свирепствует острейший дефицит на тех градусах северной широты, о которых идет речь, – так вот, Бахманн, для любого мыслящего человека совершенно ясно, что эта страна никогда не соблюдала нейтралитет, напротив, она ненавидела само это понятие – нейтралитет, она лгала на каждом углу о своем нейтралитете, в то время как изо всех сил поддерживала агрессора, в данном случае вашу страну, Бахманн, – очень сожалею, но это была именно ваша страна, незачем притворяться. Моя страна готова была продать вашей все свои природные ресурсы, только ради пакостного счастья стоять на стороне сильного и греться в лучах его славы, это чистая правда, написал я, это даже больше, чем правда, ради этого они были готовы заплатить любую цену.

Король нашей страны был фанатичным поклонником вашего диктатора, Бахманн, написал я, и в соответствии с их протухшими иерархическими законами весь народ за ничтожными исключениями сплотился на стороне своего слабоумного короля. Самым неприкрытым образом поддерживали они агрессора, когда он оккупировал соседние страны, – братские страны, братские, Бахманн! – у них хватало наглости называть их братскими даже тогда, когда эти страны пылали в огне войны. Мое так называемое отечество даже пальцем не пошевелило, чтобы помочь этим братским странам, наоборот, они радовались их несчастьям, причиненным, к сожалению, диктатором вашей страны, Бахманн, и они не делали секрета из своих симпатий к диктатору вашей страны, написал я Бахманну, они же всегда на стороне сильного, они поддерживали его чем могли – сырьем, техникой, связью, сталью, бумагой, подшипниками, логистикой, сведениями о политических противниках и прежде всего морально. В разгар войны ваша армия имела возможность пользоваться железными дорогами моей так называемой родины, разъезжать между поработанными ею – «братскими» для моей так называемой родины – странами, грабить и убивать всех, до кого

могли дотянуться, и все это под бурное – только представьте себе эту безвкусицу, Бахманн! – под бурное одобрение народа, населяющего те градусы северной широты.

Я не хочу вас провоцировать, Бахманн, написал я Бахманну, но я вынужден был напомнить вам исторические мерзости, происходившие в *вашей* стране, только для того, чтобы показать не меньшую мерзость политики *моей* страны в то время, потому что без злой воли властей предержащих и злой воли народа в моей стране ваша страна не могла бы совершить столько подтвержденных бесчисленными документами преступлений именно в этих соседних с нами, «братских» странах, это можно считать доказанным, написал я Бахманну. В формах, совершенно чуждых любой стране с минимальным чувством международного права, моя так называемая родина позволила оккупантам пользоваться своими железными дорогами, иногда это напоминало проезд королевского кортежа – толпы моих соотечественников ликующими криками приветствовали оккупационные войска на станциях, и в награду за это безвкусное ликование и моральную поддержку ваши земляки, Бахманн, кидали пачки сигарет моим тогдашним соотечественникам, можно сказать, моим дедушкам и бабушкам, и уезжали под аплодисменты, чтобы продолжать грабить соседние страны и убивать их жителей.

Никто даже и не стыдился, Бахманн, никто не стыдился подражать тому культу, которым вы окружили вашего диктатора, написал я Бахманну, многие даже подражали вашим приветствиям – с вытянутой вперед прямой рукой, более того, они вытягивали руку еще сильнее, и рука была еще более прямой, чем у самых ретивых, самых фанатичных ваших подданных... жители соседних стран страдали, а у моего народа не находилось ничего им в утешение, кроме разве что презрительного смеха и плевков в их сторону, они смотрели на их страдания с хладнокровием палачей... какое непревзойденное свинство, не так ли, Бахманн? – написал я Бахманну. Я сам чувствую вину за это свинство, хотя меня в то время еще не существовало даже в замысле. Они не пошевелили пальцем ради «братских» народов, за исключением разве что восточного нашего соседа... там у них были далекоидущие территориальные претензии, поэтому они приняли несколько тысяч детей беженцев... они охотнее всего направили бы их на принудительные работы, если бы только решились, но что касается наших западных соседей, особенно северо-западных, с которыми сорок лет назад они заключили союз, они предали их, и предали так подло, что я не нахожу слов.

И несмотря на все это, несмотря на все это, Бахманн, они никогда не упускают случая представить себя как героев, спасавших людей во время войны, они самым гротескным образом украшают себя павлиньими перьями – и вы знаете почему? Потому что во время войны нашлось два или три человека, посвятивших себя филантропии, причем мало того, что филантропия совершенно чужда этой стране, этого мало, Бахманн, власти делали все, что от них зависело, чтобы им помешать. Эти два или три человека, вам наверняка знакомы их имена, написал я Бахманну, не что иное, как исключение, лишь только подтверждающее не поддающееся перу презрение к человеческой личности в этой стране, – несколько порядочных людей, которые со своим совершенно нетипичным для этих градусов северной широты бескорыстием и человеколюбием, короче говоря, не лишенных нормальной человеческой совести, несколько порядочных людей, всего несколько, решили попробовать спасти человеческие жизни. Никакой поддержки со стороны своего народа или своих властей они не дождались, более того, написал я Бахманну, когда один из них при до сих пор не выясненных обстоятельствах исчез, правительство не предприняло никаких усилий, чтобы как-то узнать о его судьбе, – этого, впрочем, и следовало ожидать³.

А теперь, пользуясь гражданским мужеством и человеческим благородством этих людей, они десятилетиями нагло лгут, что правительство и народ якобы спасали во время

³ Речь идет о Рауле Валленберге – шведском дипломате, спасшем в Венгрии несколько тысяч евреев, схваченном советскими особистами и погибшем в застенках КГБ. Точные сведения о его судьбе скрывают до сих пор.

войны преследуемых и обездоленных, в то время как и правительство, и народ с плохо скрытым неодобрением наблюдали за героической деятельностью этих немногих белых ворон и делали все, чтобы им помешать... я, может быть, чуточку преувеличиваю, Бахманн, но в основе все это так и есть. Могу только добавить, что теперь уже не существует людей такого уровня и таких моральных достоинств в этой стране, меня даже, честно говоря, всегда удивляло, как они вообще могли там появиться, если вспомнить, что это за страна.

Обобщая все это, добавил я, можно сказать, что на тех градусах северной широты население уже столетиями наслаждается своей моральной неполноценностью, а если они это наслаждение и скрывают, то исключительно из тактических соображений. Помощь третьему миру – тактика, оппортунистические монологи на горячие темы, например насчет недопустимости педофилии, – тактика, экологическая политика, трудовая политика, борьба с наркотиками... короче говоря, все в этой стране, все, за что ни возьмись, одна сплошная тактика.

Хотите узнать правду об этом народе – откройте любую бульварную газету. Бульварные газеты, написал я Бахманну, на тех градусах северной широты, о которых идет речь, яснее всего демонстрируют читателю, что это за страна и что это за народ.

Хочу, чтобы вы меня правильно поняли, Бахманн, написал я Бахманну, бульварная пресса в вашей стране тоже не образец для подражания, нет, ваша пресса, так же как и вся бульварная пресса на континенте, находится на удручающе низком уровне, но если сравнить ее с бульварной прессой моей страны, то в ней, по крайней мере, нет ханжества.

Ни для кого не секрет, что, когда бульварные газеты в вашей стране утверждают, что кто-то видел инопланетный корабль, когда они рекламируют чудодейственные лекарства от всех болезней, или сообщают, что с помощью генетики можно оживить динозавров, или публикуют портрет теленка с собачьей головой, или пишут о картошке с физиономией Элвиса, чудесным образом проявившейся на коже, и так далее и тому подобное, все знают, что это наглая ложь, и поскольку *все это знают*, жирно подчеркнул я, то наглость этой лжи как бы уменьшается: все знают, что это ложь, и поэтому ложь не такая уж наглая, то есть она, конечно, наглая, но вроде бы и не такая наглая, потому что все всё знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.